УДК 94(367)

Рябова А. В.[1]

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ И СООБЩЕСТВА КАЗАКОВ СТАВРОПОЛЬЯ

Ставропольский государственный педагогический институт

Ryabova A.V.

SOCIAL DYNAMICS AND CULTURAL INTEGRATION OF NEKRASOV COSSACKS AND THE COSSACK COMMUNITY OF STAVROPOL

Stavropol State Pedagogical Institute

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению культурных особенностей казаков-некрасовцев на примере общины, проживавшей вблизи озера Майнос. Основным опорным материалом и источником служит летопись казака Василия Петровича Саничева. Собранные статистические данные позволяют дать историко-культурологическую оценку некрасовцам Майносской общины. В ходе основной части исследования мы изучаем специфику и факторы культурной интеграции казачьих групп, их переселение на Ставрополье в конце XX века, а также историческое прошлое и историческую память казаков-некрасовцев. В качестве основных методов выступают специально-исторические методы, в качестве вспомогательных – социологические и культурологические методы.

Abstract: This article is devoted to the study of the cultural characteristics of the Nekrasov Cossacks on the example of a community that lived near Lake Mainos. The main reference material and source is the chronicle of the Cossack Vasily Petrovich Sanichev. The collected statistical data allow us to give a historical and cultural assessment of the Nekrasovites of the Mainos community. In the course of the main part of the study, we study the specifics and factors of cultural integration of the Cossack groups, their resettlement in Stavropol at the end of the 20th century, as well as the historical past and historical memory of the Nekrasov Cossacks. Special historical methods serve as the main methods, sociological and cultural methods as auxiliary ones.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, казачье сообщество, казачья культура, культурная черта, старообрядчество, Османская империя, Майнос.

Keywords: Nekrasov Cossacks, Cossack community, Cossack culture, cultural trait, Old Believers, Ottoman Empire, Mainos.

---

[1] Рябова Анастасия Владимировна – бакалавр, методист кафедры Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института.

Актуальность темы заключается в необходимости более детального изучения сущности казачества Ставрополья как феномена российского общества. Интерес вызывают факторы и специфика интеграции культуры ставропольского казачества и казаков-некрасовцев в конце XX века.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов статьи при освещении вопросов истории, культуры, традиций и обычаев ставропольского казачества и некрасовцев, участвовавших в культурной интеграции казачьих групп Ставрополья в конце XX века.

С научной точки зрения изучение вопросов интеграции двух казачьих культур представляет ценность в контексте популяризации исторического знания о казаках и формирования представления о казачестве как о ценном консолидирующем элементе современного российского общества.

Цель исследования – выявить факторы и специфику интеграции культуры ставропольского казачества и казаков-некрасовцев в конце XX века.

Методы исследования: анализ документов, дедукция, сравнение, интерпретация, нарративный, историко-системный, историко-генетический, историко-динамический, историко-сравнительный, метод описания быта, диалоговый метод. В рамках данного исследования мы придерживаемся социокультурного подхода.

Историография исследования. Среди первых исследователей, коснувшихся изучения культуры и традиций казаков-некрасовцев, следует выделить труды В.П. Потемкина и Ф.А. Щербины. Современные исследования К.К. Удовкина, Т.И. Сотникова, Г.Л. Щеулиной и А.А. Хидешели представляют наибольшую ценность для раскрытия культурных основ возвращения некрасовцев на историческую родину.

В дискурсе данного исследования нас интересуют работы, посвященные непосредственно расселению общин некрасовцев в Ставропольском крае. Так, исследования А.С. Гончарова и В.М. Грязновой представляют ценность с точки зрения анализа духовной культуры, старообрядческих практик некрасовцев в Ставрополье. Работы А.И. Зудина, Т.С. Рудиченко и Ф.В. Тумилевича важны при определении культурной динамики некоторых общин, их быта, одежды и особенностей семейной жизни. Статья К.А. Ушмаеовй «Актуальный фольклор и народная поэзия казаков Ставрополья в первой половине XX в.» отражает соприкосновения фольклора ставропольского казачества и некрасовцев в период до расселения последних на территории Ставрополья. Не менее значимыми являются исследования О.С. Макаровой, посвященные особенностям языкового сознания и песенных традиций некрасовцев поселка Новокумского.

Итак, разберем, что представляла собой группа казаков-некрасовцев в своем историко-культурном пути развития.

Казаки-некрасовцы – потомки хоперских и донксих казаков, ушедших с Дона после поражения Кондратия Булавина и подавления Булавинского восстания в 1708 году. Название данной казачьей группы восходит к Игнату Некрасову. Вначале некрасовцы заселили Среднюю Кубань – правый берег реки Лаба (совр. станица Некрасовская) [3].

После того, как казаки-некрасовцы попали в опалу, они были вынуждены переселиться на Таманский полуостров. Там некрасовцы основали три города – Чирянский, Блудиловский и Голубинский. Впоследствии некрасовцы совершали набеги на приграничные земли. Наладить дипломатические отношения с ними пыталась Анна Иоанновна, но в итоге на Кубань были направлены войска во главе с атаманом Фроловым. Не имя сил дать отпор, некрасовцы переселились на Дунай, в турецкие владения, а некоторые мигрировали в Болгарию и Бессарабию.

Долгое время наиболее крупными общинами считалась Дунайская и Майносская (Майнос – селение на озере Куш). К третьей четверти XIX века началось расслоение Дунайской и Майносской общин. К началу XX века завершился религиозный раскол Майносской общины, и казаки, вдохновившись «Легендой о Городе Игната», начали вести кочевой образ жизни. После того, как в 1905 году старообрядцы в России получили свободу вероисповедания, часть Дунайской и Майносской общин некрасовцев стали предпринимать попытки вернуться в Россию [13].

Однако, из-за революции 1905 года и Октябрьской революции 1917 года, многие некрасовцы отказались от идеи возвращения на историческую родину. В итоге лишь небольшое количество некрасовцев-майносцев, чтобы избежать военной службы в турецкой армии, вернулись в Россию. Всего было три оттока – в 1911, 1918, 1925 и 1927 гг. Несмотря на заявленную симпатию к большевистской власти, их реэмиграцию не восприняли так, как того хотели сами некрасовцы, ведь значительная часть российского казачества во время Гражданской войны состояла в Белой армии [3].

Некрасовцам не дали права поселиться на Дону и Кубани, вместо этого они были направлены в Грузию. Согласно «Энциклопедии казачества» (издательство «Вече»), к 1962 году свыше 7500 некрасовцев заселили Ейский район Краснодарского края, а 22 сентября 1926 году из селения Коджа-Гель (Турция) в Россию вернулось еще около 200 семей. Они заселили Левокумский район Ставропольского края. Некоторые семьи эмигрировали в США, но затем в 1993 году возвратились в Россию и расселились по Ставрополью [3; 5].

Прослеживая историко-культурный путь некрасовцев, важно обратиться к истории

жизни турецких общин до возвращения казаков на их историческую родину. Структура Майносской общины являлась аналогом русской деревни в азиатской Турции, майносцы активно взаимодействовали с турками, находились на службе в армии Османской империи и даже участвовали в русско-турецких войнах, выступали на стороне Турции в Крымской войне с 1854 года. При этом, В.П. Щепотьев, считает, что некрасовцы не являлись этнотипом, это был социотип – Майносская община была представлена в основном теми же этнокультурными чертами, что и донское казачество с элементами культуры кубанцев [7].

Культурные черты Майносской общины казаков-некрасовцев значительно отличались от черт более крупной Дунайской общины. Майносская община не получала от султана столь высоких привилегий, но поначалу и не была обременена необходимостью служить в турецкой армии. В большей степени именно этот исторический факт повлиял на особенности историко-культурного развития майносцев: они гораздо лучше сохранили старообрядческие традиции и культуру Московской Руси XVII века, так как имели независимость от Русской православной церкви и затем – непосредственно от российской политической власти [2].

Культура Майносской общины была крайне закрытой, интеграция происходила в основном по двум направления – военному и торговому. И, несмотря на гостеприимство, проявленное турецким султаном, некрасовцы всегда стремились вернуться на историческую родину, поскольку сам факт служения в турецкой армии рано или поздно предполагал перевод некрасовцев на постоянную службу, а это неизбежно бы повлекло за собой полную ассимиляцию турками [1].

К середине XIX века Майносская община сумела сохранить все значительные русские народные традиции, и даже фольклор. Майносцы плохо владели турецким языком и общались с турками исключительно при необходимости. В их говоре было отражено длительное проживание на территории, не принадлежащей русскоязычному населению. Бытовой язык для большинства членов Майносской общины был русским, либо украинским, гораздо реже – турецким [4]. Это приводило к тому, что некрасовцы жили весьма разобщенно, у них не было хорошего оружия и богатой одежды, как у членов Дунайской общины. Но вскоре некрасовцам пришлось изменить свою позицию по отношению к турецким властям. Казаки стояли перед сложным выбором: либо предоставлять Османской империи часть воинов, либо вернуться в Россию, где их ждала верная смерть.

Опираясь на летопись Василия Саничева, можно выделить, что не только культурно-бытовые, но и культурно-военные особенности заметно отличали Майносскую общину по сравнению с Дунайской. При получении фирмана все казаки созывались на круг, на площа-

ди перед арсеналом. Атаман и старики сидели на скамьях. Каждый казак по очереди подходил, кланялся атаману и старикам и клал у ног атамана свою шапку, к которой была прикреплена карточка с его именем. Когда все складывали свои кубанки, старики перемешивали их палками, с которыми затем всегда ходили [5].

Браки заключались внутри Майносской общины, некрасовцы не признавали брак с иноверцами, что периодически вызывало недовольство у местного населения. Эта ситуация осложнялась еще и тем, что некрасовцев принимали как русских православных бойцов, опытных в военном деле. Так как султаны превыше всего ставили в Османской империи два сословия – духовенство и военное служилое, то, видимо, этим и был обусловлен характер принятия некрасовцев в Турцию. Однако многие султаны были убеждены, что имеют дело с православными русскими, обученными воинами, которых можно «перевоспитать», превратить в янычар. Со времен правления Селима III никто из окружения султана, включая придворных, не ожидал, что некрасовцы окажутся старообрядцами. Именно здесь берут начало многие противоречия, приведшие к возвращению некрасовцев на историческую родину [1, с. 119].

Обычно казачий круг в Майносской общине созывался избранными должностными лицами. Но иногда это происходило без их ведома. В последнем случае обычно наказывали или смещали представителей власти. Большое внимание некрасовцы уделяли семье. Согласно Игнатовым Заветам, за неуважение родителей и старших виновного наказывали физически, но могли и казнить [3]. Обижающий напрасно жену муж наказывался кнутом (100 ударов), а круг по ее желанию мог дать развод. Насильников или неверных жен ждала казнь. С пожилыми родителями должен был жить младший сын, который заботился о них. Отметим, что строгость норм была скорее превентивной мерой, поддерживающей моральное состояние общины. Исследователь У. Гамильтон пишет, что что некрасовцы «отличались безупречным поведением, всегда были вежливы и почтительны» [7].

В летописи В.П. Саничева дается подробное описание занятий некрасовцев в турецких школах. Многие школы существовали при церкви, их посещали дети с 8 до 12 лет. Школы содержал султан на свои средства специально для некрасовцев. Вблизи школ обычно находились университеты, так, некрасовцы зачастую общались с турецкими студентами-богословами. Несмотря на средний достаток общины, доходы ее жители получали исключительно трудом, а гостей встречали хоть и несколько настороженно, но почтительно. Нравы вне школы поддерживались строгими установлениями общины. Например, за публичное сквернословие провинившемуся, независимо от статуса, полагалось 30 ударов ногайкой. За убийство, богохульство, святотатство, измену, грабеж, разбой полагалась смерть [6].

Казаки-некрасовцы, являясь старообрядцами, не могли принять новообрядческую культуру, их выступление в защиту крепостных крестьян стало отправной точкой в ухудшении отношений с Россией. После высылки из России, часть некрасовцев мигрировала на Майнос (озеро Куш), где образовала одну из крупнейших некрасовских общин. Майносская община придерживалась политики «враждебного нейтралитета» и сумела сохранить большую часть своей исконной казачьей культуры. Это касалось семейно-брачных отношений, быта фольклора, а также сохранения самоуправления в виде казачьего круга, совета старейшин [8].

К моменту возвращения в СССР из Турции 200 семей казаков-некрасовцев в 1962 году, Ставрополье активно развивалось, несмотря на ущерб экономическому развитию, нанесенный в военные годы. В это же время резко возрос интерес к казачеству как к консолидирующему элементу у местной администрации. Была предпринята попытка восстановить доверительные отношения между казачьим группами, находившимися в латентной форме, и советской властью [10].

За 1960-1990 гг. по разным оценкам существовало до нескольких сотен казачьих организаций, но все они действовали в рамках реализации культурно-просветительских программ [5]. Создание официальных казачьих организаций на Ставрополье было связано с выходом шестого номера Известий КПСС за июнь 1989 года, в котором говорилось, что казачество может существовать в отдельно взятых исторических регионах в виде культурных и военно-подготовительных кружков и организаций, при условии подчиненности местным властям [12].

Интеграция неоднородных казачьих групп была достигнута как благодаря инициативе отдельных лиц – культурных деятелей Ставрополья (В.В. Ходарев, П.С. Федосов, Т.С. Шелухин, В.И. Сляднева), которые популяризировали движение за возрождения казачества на юге России, так и благодаря поддержке «Дома офицеров», «Ставропольского краевого союза казаков» и прочих крупных общественных организаций [4].

Благодаря различным казачьим группам, в том числе, благодаря казакам-некрасовцам, возросла роль казачества в оптимизации межэтнической и межконфессиональной коммуникации на Ставрополье. Участвовавшие в культурной интеграции, некрасовцы разнообразили культуру ставропольского казачества и повлияли на популяризацию казачьих традиций среди населения Ставрополья [1].

Ставропольское казачество и до переселения казаков-некрасовцев сохранило большую часть своих традиций и не имело серьезных конфликтов с властями, даже наоборот: правительство Ставропольского края старалось периодически поощрять местное казачество,

не препятствуя его влиянию на подрастающее поколение. Так, ставропольское казачество представляло собой этнокультурную общность, имеющую сильное воздействие на социокультурную систему СКФО в целом [2].

Присоединение казаков-некрасовцев к ставропольскому казачеству способствовало позитивной динамике культурного развития, межэтнической и межконфессиональной коммуникации, казаки Ставрополья, сохранив свои традиции и обычаи, были готовы принять культуру некрасовцев, имевшую множество отличительных черт, сформировавшихся у этой казачьей группы в ходе своего своеобразного исторического развития [14]. Ставропольские казаки и казаки-некрасовцы имели общие корни, и потому культурная интеграция оказалась полезна для трансформации многих культурных пластов Ставрополья в конце XX века.

Таким образом, культурная интеграция ставропольского казачества и казаков-некрасовцев имела позитивный характер, исходя из особенностей исторического прошлого и исторической памяти казачьих групп Ставрополья с одной стороны и потомков некрасовцев – с другой. Некрасовцы участвовали в культурной интеграции ставропольского казачества в конце XX века, что, в свою очередь, способствовало позитивной динамике культурного развития, межэтнической и межконфессиональной коммуникации.

Факторами интеграции культуры ставропольского казачества и казаков-некрасовцев в конце XX века стали: 1) специфика исторического прошлого и исторической памяти потомков некрасовцев; 2) наличие исторически сохранившихся традиций и обычаев всех казачьих групп Ставрополья; 3) восприятие ставропольского казачества и некрасовцев как этнокультурных обществ населением и правительством Ставрополья; 4) поддержка интеграции крупными общественными организациями и деятелями Ставрополья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончаров А.С. Социокультурные черты казаков-некрасовцев Дунайской общины // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации : Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Москва, 25 июня 2021 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью "Институт развития образования и консалтинга", 2021. – С. 114-120. – DOI 10.34755/IROK.2021.76.25.058. – EDN AZBYJY.

2. Грязнова В.М. Творческие практики старообрядца казака-некрасовца. Уральский филологический вестник // Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 149-157.

3. Грязнова В.М. Социокультурное своеобразие языковой картины мира старообрядцев казаков-некрасовцев // European Social Science Journal. 2014. № 12 (51). С. 186-193.

4. Зудин А.И. Этиологические легенды казаков-некрасовцев // Живая старина. 2013. № 3 (79). – С. 39-42.

5. Рудиченко Т.С., Демина В.Н. К интерпретации письменных источников об истории и культуре казаков-некрасовцев // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 2 (63). С. 69-75.

6. Рябова, А. В. Культура казаков-некрасовцев во второй половине XIX - начале XX вв (на примере майносской общины) // Новая наука: новые вызовы : Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 31 марта 2021 года / Под общей редакцией Е.А. Янпольской. – Краснодар: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования "Институт стандартизации, сертификации и метрологии", 2021. – С. 74-78. – EDN OQAUCU.

7. Саничев В.П. Атаман, возглавивший возвращение казаков-некрасовцев из Турции в СССР рабочий совхоза «Левокумский» Левокумского района. Август 1963 года // ГАСК. Ф. 1. Оп. 32. Д. 1.

8. Тумилевич Ф.В. Русские народные сказки казаков-некрасовцев. – Ростов-н/Д.: Ростовское книжн. изд-во, 1958. – 258 с.

9. Ушмаева К.А. Актуальный фольклор и народная поэзия казаков Ставрополья в первой половине XX в // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 1(82). – С. 24-34. – DOI 10.35775/PSI.2022.82.1.003. – EDN VPSGCQ.

10. Щепотьев В.П. Русская деревня в азиатской Турции // Вестник Европы, № 8, 1895. – С. 562-583.

11. Hamilton W. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. L., 1842. 596 p.

12. MacFarlane C. Turkey and It's Destiny. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1850. 414 p.

13. Makarova O. Conceptual Meaning of a Linguistic Personality Development in The Polylingual Space of The North Caucasus Region // Научный альманах стран Причерноморья. – 2021. – No 2(26). – P. 47-55. – DOI 10.23947/2414-1143-2021-26-2-47-55.

14. Makarova O. Kuban Cossack Balachka: Diachronic and Linguocultural Aspects // Научный альманах стран Причерноморья. – 2022. – No 1(29). – P. 56-62. – DOI 10.23947/2414-1143-2022-29-1-56-62.

REFERENCES (transliteration)

1. Goncharov A. S. Sociokul'turnye cherty kazakov-nekrasovcev Dunajskoj obshchiny // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i mirovogo soobshchestva v epohu cifrovizacii : Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 25 iyunya 2021 goda. – Mahachkala: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu \"Institut razvitiya obrazovaniya i konsaltinga\", 2021. – S. 114-120. – DOI 10.34755/IROK.2021.76.25.058. – EDN AZBYJY.

2. Gryaznova V.M. Tvorcheskie praktiki staroobryadca kazaka-nekrasovca. Ural'skij filologicheskij vestnik // Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. 2014. № 1. S. 149-157.

3. Gryaznova V.M. Sociokul'turnoe svoeobrazie yazykovoj kartiny mira staroobryadcev kazakov-nekrasovcev // European Social Science Journal. 2014. № 12 (51). S. 186-193.

4. Zudin A.I. Etiologicheskie legendy kazakov-nekrasovcev // Zhivaya starina. 2013. № 3 (79). – S. 39-42.

5. Rudichenko T.S., Demina V.N. K interpretacii pis'mennyh istochnikov ob istorii i kul'ture kazakov-nekrasovcev // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. 2012. № 2 (63). S. 69-75.

6. Ryabova A.V. Kul'tura kazakov-nekrasovcev vo vtoroj polovine XIX - nachale XX vv (na primere majnosskoj obshchiny) // Novaya nauka: novye vyzovy : Materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 31 marta 2021 goda / Pod obshchej redakciej E.A. Yanpol'skoj. – Krasnodar: Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya \"Institut standartizacii, sertifikacii i metrologii\", 2021. – S. 74-78. – EDN OQAUCU.

7. Sanichev V.P. Ataman, vozglavivshij vozvrashchenie kazakov-nekrasovcev iz Turcii v SSSR rabochij sovhoza «Levokumskij» Levokumskogo rajona. Avgust 1963 goda // GASK. F. 1. Op. 32. D. 1.

8. Tumilevich, F. V. Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovcev. – Rostov-n/D.: Rostovskoe knizhn. izd-vo 1958. – 258 s.

9. Ushmaeva K. A. Aktual'nyj fol'klor i narodnaya poeziya kazakov Stavropol'ya v pervoj polovine XX v // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. – 2022. – T. 12. – № 1(82). – S. 24-34. – DOI 10.35775/PSI.2022.82.1.003. – EDN VPSGCQ.

10. Shchepot'ev V. P. Russkaya derevnya v aziatskoj Turcii // Vestnik Evropy, № 8, 1895. – S. 562-583.

11. Hamilton W. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. L., 1842. 596 p.

12. MacFarlane C. Turkey and It's Destiny. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1850. 414 p.

13. Makarova O. Conceptual Meaning of a Linguistic Personality Development in The Polylingual Space of The North Caucasus Region // Научный альманах стран Причерноморья. – 2021. – No 2(26). – P. 47-55. – DOI 10.23947/2414-1143-2021-26-2-47-55.

14. Makarova O. Kuban Cossack Balachka: Diachronic and Linguocultural Aspects // Научный альманах стран Причерноморья. – 2022. – No 1(29). – P. 56-62. – DOI 10.23947/2414-1143-2022-29-1-56-62.

Рецензенты:

Гончаров А.С. – кандидат исторических наук, специалист по региональному казаковедению, сотрудник Научно-исследовательского управления ГБОУ ВО СГПИ.

Пикалов Д.В. - кандидат исторических наук, доцент, начальник научно-исследовательского управления ГБОУ ВО СГПИ.